Литература двух Америк. 2024. № 16. *Literature of the Americas,* no. 16 (2024)

Научная статья
https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-16-75-102
https://elibrary.ru/JFRHMA
УДК 821.111(73).0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Виолетта КАЯВО

НЕСВЯТОЙ «СВЯТОЙ ДЭЙВ»: КРИТИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА ДЭВИДА ФОСТЕРА УОЛЛЕСА (ОБЗОР)

Аннотация: В обзоре рассматривается развитие критической рецепции личности и творчества Дэвида Фостера Уоллеса (1962–2008). Особое внимание уделяется оценке Уоллеса одновременно как высокоинтеллектуального, религиозного писателя-философа и даже мученика (образ «святого Дейва» — “Saint Dave”), чьи произведения требуют глубокого анализа, и как автора, популярность книг которого — результат маркетинговых манипуляций и работы издателей, ничего не имеющих общего с его писательским талантом. По мнению некоторых исследователей, именно маркетологи создали для Уоллеса «культовый» образ главного американского писателя рубежа тысячелетий, а его книги вряд ли станут классикой. Другие же считают его автором, который совершил «революцию» в литературе, выступив первым против иронии и цинизма постмодернизма. Рассматриваются монографии, посвященные анализу личности Уоллеса, его религиозных, философских воззрений и особенностей творчества, а также работы, основанные на изучении его писательского архива. Уделяется внимание не только англо-, но и русскоязычной критике, однако последняя во многом основывается на указанных зарубежных источниках. Делается вывод о том, что разница во мнениях вызвана отождествлением Уоллеса-писателя с Уоллесом-человеком, чья жизнь была осложнена борьбой с зависимостями и депрессией, а также критикой его произведений посредством критики его личности. Подчеркивается, что произведения Уоллеса имеют значение для современной литературы и необходимо делать их объектами беспристрастного анализа, не обожествляя и не демонизируя Уоллеса, не возводя его в ряды страдающих гениев.

Ключевые слова: Дэвид Фостер Уоллес, рецепция творчества, американская проза XX–XXI вв., «Бесконечная шутка», постмодернизм, пост-постмодернизм, «новая искренность».

Информация об авторе: Виолетта Александровна Каяво, старший преподаватель, соискатель ученой степени к.ф.н., Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, пр-т Ленина, д. 51, 620083, г. Екатеринбург, Россия. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3416-798X. E-mail: kaiavo.violetta@urfu.ru.

Для цитирования: *Каяво В.А.* Несвятой «святой Дэйв»: критическая рецепция личности и творчества Дэвида Фостера Уоллеса (обзор) // Литература двух Америк. 2024. № 16. С. 75–102. https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-16-75-102

Literatura dvukh Amerik, no. 16 (2024) *Literature of the Americas,* no. 16 (2024)

Research Article
https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-16-75-102
https://elibrary.ru/JFRHMA
UDC 821.111(73).0

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Violetta KAIAVO

UNHOLY "SAINT DAVE": CRITICAL RECEPTION OF DAVID FOSTER WALLACE'S PERSONALITY AND WORKS. A REVIEW

***Abstract*:** The review examines the critical reception of David Foster Wallace's personality and works. A particular attention is paid to the appreciation of David Foster Wallace (1962–2008) in foreign criticism as an intellectual, religious writer-philosopher and a martyr ("Saint Dave"), whose works require deep analysis, and as a writer whose popularity is the result of marketing manipulations and publisher's work, which has nothing to do with his talent. According to some researchers, it was market specialists who created his iconic image as the most important American writer of the turn of the millennium, and his books are unlikely to become classics. Others consider him the author who caused a "revolution" in literature, being the first to oppose postmodernist ironic and cynical attitudes. The paper reviews books dedicated to Wallace's personality, his religious, ethical and philosophical views, as well as studies based on the archive of David Foster Wallace. Attention is also paid to Russian-language critical works, although it is largely based on the above-mentioned foreign criticism. It is concluded that to a large extent the difference in opinion is caused by the identification of the writer with the man, whose life was complicated by the struggle with addiction and depression, as well as by the analysis of his works based on his personality. It is emphasized that Wallace's works are important for contemporary literature, and they are to be studied objectively, without deifying / demonizing Wallace or elevating him to the ranks of suffering geniuses.

Keywords: David Foster Wallace, critical reception, American prose of the XX–XXI centuries, *Infinite Jest*, Postmodernism, Post-postmodernism, New Sincerity.

Information about the author: Violetta A. Kaiavo, Senior Lecturer, PhD Candidate, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; Lenin ave., 51, 620083 Ekaterinburg, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3416-798X. E-mail: kaiavo.violetta@urfu.ru.

For citation: Kaiavo, Violetta. "Unholy 'Saint Dave': Critical Reception of David Foster Wallace's Personality and Works. A Review." *Literature of the Americas*, no. 16 (2024): 75–102. https://doi.org/10.22455/2541-7894-2024-16-75-102

О Дэвиде Фостере Уоллесе (David Foster Wallace, 1962–2008), лауреате литературных премий и стипендии Макартура, часто пишут как о вундеркинде, великолепном эссеисте, философе и как о писателе, который первым отверг иронию постмодернизма и провозгласил стремление к искренности, что стало основой для рассуждений о его месте в литературном процессе США. Д.Ф. Уоллес, как отмечает М. Босуэлл (Роудс Колледж, США), стал «нервным представителем до сих пор неназванной […] третьей волны модернизма» и «исходил из предположения, что с модернизмом и постмодернизмом “покончено”» [Boswell 2020: 1]. Помимо этого, в литературоведении его творчество связывают с появлением так называемой «новой искренности» (New Sincerity), главным образом из-за опубликованного в 1993 г. эссе-манифеста против иронии «E Unibus Pluram: телевидение и американская литература» (“E Unibus Pluram: Television and U. S. Fiction”).

Особое внимание к Дэвиду Фостеру Уоллесу стали проявлять после его смерти — как выразился писатель Джонатан Франзен в эссе “Farther Away” (в переводе Л. Мотылева «Дальний остров»), самоубийство «превратило его в публичную легенду» [Franzen 2011]. И действительно, трагедия запустила процесс издания ранее неопубликованных произведений; появились многочисленные диссертации, монографии, сборники эссе. Особенно важными стали открытие архива в Центре Гарри Рэнсома в Техасе и создание международного общества и журнала, посвященного исключительно творчеству Уоллеса. Интерес к личности и произведениям писателя продолжает расти, и отечественная критика здесь не исключение, хотя исследовательских работ на данный момент довольно немного. Вероятно, это связано с поздним переводом произведений Уоллеса на русский язык. Его magnum opus, роман *Infinite Jest*, С. Карпов и А. Поляринов переводили несколько лет, и издание «Бесконечной шутки» на русском появилось только в 2019 г., спустя 23 года после публикации оригинала. Переводы на другие языки появились также довольно поздно, за исключением изданий на итальянском (2000) и испанском (2002) языках.

На волне интереса русскоязычных читателей к «Шутке», стали появляться переводы других произведений Уоллеса. С. Карпов перевел сборник рассказов «Короткие интервью с подонками» (*Brief Interviews with Hideous Men*) в 2019 г., и еще через два года — сборник «Забвение» (*Oblivion: Stories*). В 2022 г. был издан дебютный роман Уоллеса «Метла системы» (*The Broom of the System*) в переводе

Н. Караева; затем появилась книга «Дэвид Фостер Уоллес. Избранные эссе», в которой С. Карпов и А. Поляринов поместили переводы — по их мнению, лучших — эссе и статей писателя из сборников «Может, это и интересно, но повторять не хочется» (*A Supposedly Fun Thing I'll Never Do Again*, 1997), «Посмотрите на омара» (*Consider the Lobster*, 2005) и «Во плоти и нет» (*Both Flesh and Not*, 2012). Непереведенными остаются: роман «Бледный король» (*The Pale King*, 2011), который выдвигался на Пулитцеровскую премию; сборник рассказов «Девушка с любопытными волосами» (*Girl with Curious Hair,* 1989); дипломная работа по философии под названием «Судьба, время и язык: эссе о свободной воле» (*Fate, Time, and Language: An Essay on Free Will*, 2010). Исследование «Все и даже больше: сжатая история бесконечности» (*Everything and More: A Compact History of Infinity,* 2003), где Уоллес анализирует работы немецкого математика Георга Кантора, и книга «Означивающие рэпперы: рэп и раса в городском настоящем» (*Signifying Rappers: Rap and Race in the Urban Present,* 1990), написанная в соавторстве с близким другом Марком Костелло, также доступны только на языке оригинала.

Как можно увидеть из перечисления выше, знакомством с ДФУ — так его называют поклонники — мы в России во многом обязаны А. Поляринову и С. Карпову. Поляринов, отмечая, что он не считает себя «суперпрофессиональным переводчиком» и что без «Карпова перевода и не случилось бы», дает следующий ответ на вопрос, почему несколько лет «роман лежал никому не нужный»:

> …тот факт, что перевод этот сделали мы, своего рода диагноз всей нашей издательской индустрии. В 145-миллионной стране не нашлось денег для супер-профи, который бы перевел классический текст. Ну, и «Улисса» на русский в свое время перевел физик Хоружий. Так что, видимо, такая традиция: все прекрасные огромные романы, которые наши читатели для себя открывают, должны быть сделаны по любви, а не по заказу [Поляринов, Максимова 2022: 12].

Однако главная преграда, которая стоит на пути переводчиков, читателей и исследователей — это язык и стиль повествования Уоллеса, а также объем его произведений. Уже на этапе редакции его романов, согласно единственной на сегодняшний день биографии Д.Т. Макса, возникали разногласия с Уоллесом, который отрицательно относился к любым исправлениям и сокращениям [Max 2012: 409].

Поляринов, популяризатор творчества Уоллеса в России, в своем сборнике эссе «Почти два килограмма слов» пишет об «известной байке», связанной с публикацией «Бесконечной шутки», текста, вокруг которого выстраивается вся дискуссия о писателе:

> …когда менеджеры издательства «Литтл, Браун» собрались на совещание, посвященное грядущему изданию «Шутки», директор на полном серьезе спросил: «Скажите, а кто-нибудь вообще прочитал эту книгу дальше 70-й страницы?» Руку поднял только редактор Уоллеса Майкл Питч [Поляринов 2019: 8].

Определение Поляриновым «Бесконечной шутки» как «классического текста» могло бы быть оспорено зарубежными исследователями. Социолог Т. Медвец (Калифорнийский университет, Сан-Диего) утверждает, что роман, в котором свыше тысячи страниц и около четырехсот примечаний, стал популярным вовсе «не благодаря виртуозным талантам писателя» — и прямо говорит о «графомании и неорганизованности» Уоллеса [Medvetz 2022: 111–112]. Успех «Шутки» был во многом обеспечен работой редакторов, литературных агентов, рецензентов и рекламщиков: например, известные 388 примечаний — это не «творческое решение автора», а попытка найти компромисс между Уоллесом, который значительно превысил объем и при этом сопротивлялся правкам, и Питчем, который боялся, что книгу будет невозможно продать [Medvetz 2022: 110]. Кроме того, роман появился в период, когда критики и писатели боялись кризиса художественной литературы в цифровую эпоху; также высказывались опасения по поводу будущего американского романа вообще [Medvetz 2022: 115]. Такое произведение как «Бесконечная шутка», в котором Уоллес подыграл поп-культуре и одновременно осудил ее, стало «естественным прототипом оплакиваемого жанра», а именно «длинного, сложного, бравурного романа, связанного с такими писателями, как Томас Пинчон и Джон Барт» [Medvetz 2022: 115]. Тем не менее «Шутка» не получила ни одной награды: например, она не попала в список финалистов Национальной премии критиков 1996 г., потому что ни один из двадцати четырех членов совета не смог ее прочитать. Медвец признает, что книга произвела впечатление на критиков и читателей, однако ставит под сомнение то, что она может стать классикой — это связано со спадом ее популярности и ростом

негативной реакции за пределами США. Британские критики, например, не упустили возможность выразить пренебрежение к американской литературе, называя «Шутку» проявлением «максимального американского чудачества» [Medvetz 2022: 126].

Некоторые исследователи признавали ум и эрудицию Уоллеса, но все это было, по их мнению, «слишком»: сочинение Уоллеса очень длинное, сложное и содержит множество постмодернистских излишеств (388 примечаний в том числе). Бывший профессор Йельского университета, специалист по американской литературе Э. Хангерфорд также считает, что популярность «Бесконечной шутки» обусловлена маркетингом. Она пишет:

> Маркетологи книги […] знали, какой вызов спровоцирует их [читателей. — *В.К.*]: достаточно ли вы умны и сильны, да и достаточно ли вы мужественны, чтобы прочитать тысячестраничный роман гения? Конечно, они сказали «да» [Hungerford 2016 b].

С другой стороны, критика в адрес Уоллеса и его романа тоже выглядит довольно спорной. В книге «Создавая литературу сейчас» (*Making Literature Now*) Э. Хангерфорд высказывается еще резче: основываясь лишь на биографии Д.Т. Макса и некоторых рассказах Уоллеса, она обвиняет писателя в мизогинии и добавляет, что его агрессивное отношение к женщинам отражает его отношение к читателям в том числе — оно такое же агрессивное и неуважительное [Hungerford 2016a: 141–142]. Если Медвец анализирует феномен популярности романа Уоллеса в свете социологических теорий, то в высказываниях феминистки Хангерфорд видна личная неприязнь к Уоллесу, и ее критика не выглядит убедительной. Заявление о том, что у нее нет времени читать разрекламированную «длинную книгу» [Hungerford 2016 b], выглядит, по словам писателя и литературного критика Тома Леклэра, возмутительным [LeClair 2016].

С указанным выше доводом Т. Медвеца о «графомании и неорганизованности» Уоллеса отчасти тоже можно было бы согласиться. Однако К. Хейс-Брейди (Университетский колледж Дублина, Ирландия) в книге «Неописуемые неудачи Дэвида Фостера Уоллеса» рассматривает многословие автора, а также неоконченность сюжетов, фрагментарность повествования, избыток сносок и комбинацию сленга с литературным языком не только как творческие «неудачи», но и как *достоинства*. Хейс-Брейди использует слово «неудача»

(failure), чтобы подчеркнуть, что тема ошибок и разочарований всегда присутствовала в творчестве Уоллеса. Например, первым названием *Infinite Jest* было «Неудавшееся развлечение» (*A Failed Entertainment*) — по словам самого Уоллеса, роман был задуман именно как «развлечение, которое не работает» [Hayes-Brady 2016: 2–3]. Раскрывая влияние философии Л. Витгенштейна и Р. Рорти на творчество писателя, Хейс-Брейди подчеркивает, что эти «неудачи» передают его тревогу по поводу глобальных проблем, таких как невозможность межличностной коммуникации и склонность к солипсизму в современном мире.

Английская писательница Зэди Смит в книге «Меняя точку зрения: эссе, написанные по случаю» посвящает последнюю главу Уоллесу, где анализирует его сборник рассказов «Короткие интервью с подонками». Смит восхищается энциклопедическими знаниями, мышлением Уоллеса и называет его своим любимым писателем. С другой стороны, она также отмечает сложность его творчества и сравнивает чтение его произведений с работой музыканта, которая требует регулярной практики: «Чтобы оценить Уоллеса, вам необходимо *по-настоящему* его прочитать — и затем *перечитать*» [Smith 2009: 365–366].

К 20-летию выхода «Бесконечной шутки» американский журналист Т. Биссел отметил, что неологизмы, сложный слог Уоллеса и описания, поражающие воображение, — это то, что делает роман «электрически живым» [Bissell 2016; пер. А. Поляринова]. По мнению Биссела, «Шутка» — это не просто новаторский «роман о языке», а «новая лексикографическая реальность» [Bissell 2016].

Очевидно, что творчество Уоллеса и феномен его популярности в США до сих пор остаются предметом обсуждения как в положительном, так и в отрицательном ключе, и это часть естественного спора специалистов о том, какой вклад вносит тот или иной писатель в литературу. Однако комментарии критиков о «постмодернистских излишествах» заставляют задаться еще одним вопросом: каким был творческий метод Уоллеса, который эти «излишества» критиковал и сам же, как оказалось, их использовал?

Здесь необходимо обратиться к упомянутому выше эссе «E Unibus Pluram: телевидение и американская литература» и интервью Уоллеса для Ларри Маккэффри. И в эссе, и в интервью Уоллес утверждает, что «отчаяние и стазис» в американской литературе были спровоцированы телевидением, которое заменило писателям

реальность[1]. Профессор Университета Глазго Стивен Дж. Берн пишет, что, используя «телевизионные шоу о самих телевизионных шоу» и заставляя зрителя смотреть программы о самом процессе просмотра, «телевидение стремится ввести зрителей в заблуждение, заставляя их думать, что они интеллектуально критикуют наблюдение, а не пассивно потребляют» [Burn 2012: 7]. По мнению Уоллеса, такая стратегия была заимствована из постмодернистской литературы: «Теперь телевидение берет элементы *постмодерна* — инволюцию, абсурдность, сардоническую усталость, иконоборчество и бунтарство — и приспосабливает для зрелищ и потребления»[2].

Уоллес видел решение этой проблемы в том, чтобы отказаться от постмодернистской защитной иронии и подумать над «немодными» человеческими проблемами — стать «слишком искренними» (“too sincere”):

> …следующее поколение настоящих литературных “бунтарей” в нашей стране вполне может возникнуть в виде какой-нибудь странной группы *анти*бунтарей, […] тех, кто […] посмеет отойти от иронического посмотра[3].

Таким образом, как пишет А. Келли (Университетский колледж Дублина, Ирландия), «Дэвид Фостер Уоллес подтвердил и воплотил искренность как важнейшую ценность в своей жизни и творчестве, возможно, даже как определяющую черту» [Kelly 2010: 131]. Келли, опираясь на труд Л. Триллинга «Искренность и подлинность» (*Sincerity and Authenticity,* 1972), отмечает, что искренность — это «соответствие признания и реального чувства»; то, что также подразумевает общение с другими людьми. Искренность по отношению к самому себе обеспечивает искренность по отношению к другим (то есть искренним тебя также видят и остальные) [Kelly 2010: 131-132].

Однако это было актуально до XX в. Далее искренность вытеснилась понятием подлинности (аутентичности). Подлинность, в отличие от искренности, представляет собой нечто внутреннее и скрытое; это осознание человеком внутреннего «я», в то время как искренность подразумевает публичное выражение этого «я», которое подлежит

[1] *Уоллес Д.Ф.* Избранные эссе / пер. с англ. С. Карпова, А. Поляринова; послесл. С. Карпова. Екатеринбург: Гонзо, 2023. С. 149.

[2] Там же. С. 172.

[3] Там же. С. 194.

сомнению и воспринимается — что важно — с иронией [Kelly 2010: 133]. Тем не менее подлинность и искренность взаимосвязаны, о чем пишет и другой исследователь, профессор Мартин Пол Ив (Биркбек, Лондонский университет): можно вести себя «подлинно», по-настоящему, но не искренне и vice versa. Например, «если ваше истинное “я” — лжец и вы даете обещание, от которого впоследствии отказываетесь, вы были неискренни, но подлинны» [Eve 2019: 38]. Оба понятия фокусируются на некой правде, и «только сам человек может сказать, является ли он настоящим, подлинным (если он вообще может это сделать), но искренность — это социальная, общественная добродетель, которую могут проверить и оценить другие» [Eve 2019: 38].

А. Келли задается вопросом:

> Если, по мнению Уоллеса, писатель должен предвидеть, как его творчество будет воспринято читателями в сложной культуре и, таким образом, передавать то, что звучит правдиво, а не просто то, что является правдой, действительно ли он полностью искренен? […] Нет ли здесь шизофренического и/или манипулятивного качества, которое противодействует добрым намерениям художника как носителя истины?

Для Уоллеса, как пишет Келли,

> в поиске истинности намерений […] величайший ужас, но и единственное истинное облегчение — это пассивное решение отдать себя на суд другого [Kelly 2010: 135, 145].

Здесь Келли вводит понятие «новая искренность» (New Sincerity). Такая искренность Уоллеса «структурируется и наполняется диалогическим обращением к воззрениям и суждениям читателя»: чтение должно представлять из себя общение между писателем и читателем, двусторонний обмен опытом [Kelly 2010: 145]. Келли определяет Уоллеса именно как «пост-постмодерниста» и добавляет:

> …быть «пост-постмодернистом» поколения Уоллеса означает никогда не быть полностью уверенным, являетесь ли вы таковым; действительно ли вы справились с задачей избежать нарциссизма, солипсизма, иронии и неискренности [Kelly 2010: 145].

Понятие искренности для Уоллеса касается, как говорил он сам, «не только того, что верно для меня как для человека, но и того, что

будет звучать правдиво. Что поразит читателей, слушателей музыки или кого-то еще; то, что поразит их нервные окончания; то, что будет правдой в 2006, 2000 или 1995 годах»[4]. М. Боуден (Университет Лидса, Великобритания) также отмечает:

> Основная цель писателя — завоевать читательскую аудиторию: писатели пишут, зная, что их будут читать. Поэтому такой писатель, как Уоллес […] должен сочетать стремление к искренности с осознанием этого желания [Bowden 2021: 167].

То есть задача состоит в том, чтобы отделить диалог писателя и читателя от приемов, которые служат привлечению внимания: провозглашать искренность, чтобы заинтересовать, и быть при этом действительно искренним, настоящим [Bowden 2021: 168].

По мнению некоторых исследователей, такая интерпретация искренности полностью игнорирует иронию, которую Уоллес критикует, но при этом использует в своих произведениях. Э.О. Скотт в статье «Паника влияния»[5] отмечает, что если Уоллес и призывает к анти-иронии, то на самом деле он будто бы «оборачивает иронию обратно на себя» [Scott, 2000]. Н. Баннелл также пишет:

> Проза Уоллеса часто держится на противоречиях; несмотря на критику институционализированной иронии, она сама иронична. Некоторые критики утверждают, что Уоллес использует иронию против себя — иронию в служении искренности — другие утверждают, что его сочинения представляют собой и то и другое [Баннелл 2020].

Как он отмечает далее, Уоллес в своих произведениях колеблется «между реализмом и постмодернизмом, вымыслом и реальностью, иронией и искренностью — не позволяя ни одному из этих феноменов быть более привилегированным, чем другие» [Баннелл 2020]. Здесь Баннелл цитирует Э. Скотта, который добавляет:

---

[4] Nichols, M.J. “David Foster Wallace on Bookworm (1996–2006)”. *YouTube.* September 23, 2021. Interview, 2:23:16. https://www.youtube.com/watch?v=Oy65OBX98tY

[5] В оригинале *The Panic of Influence*: в названии обыгрывается название книги Г. Блума «Страх влияния. Теория поэзии» (*The Anxiety of Influence: A Theory of Poetry*, 1973).

> Уоллес темпераментно стремится к множественности — к качеству, которое он назвал […] «обаединством» (bothness). Он хочет быть одновременно искренним и ироничным, чувствительным и рассудительным…» [Баннелл 2020, цит. по: Scott 2000; пер. Е. Масловой].

Ли Константину (Мэрилендский университет, Колледж-Парк, США) в свою очередь связывает имя Уоллеса с «пост-иронией» («post-irony»):

> Сторонники пост-иронии не ратуют за банальный возврат к искренности — потому что не выступают с позиций анти-иронии — а скорее хотят сохранить постмодернистские критические озарения (в различных сферах), при этом преодолев их тревожные измерения. […] Пост-ирония в данном случае означает усилия, направленные на то, чтобы выйти за рамки проблем, которые ирония создала в современной жизни и культуре [Константину 2019].

Уоллес использует постмодернистские приемы, одновременно критикуя их, но делает он это для «для обсуждения или представления исключительно старых человеческих истин» — так он «стремится восстановить то, что постмодернизм нарушил или погубил» [Константину 2019].

Некоторые исследователи считают, что подход Уоллеса к искренности и иронии смысла не имеет. Профессор Д. Браунер (Редингский университет, Великобритания) видит в использовании постмодернистской иронии неспособность писателя следовать собственным принципам [Brauner 2010: 11–12]. Уоллес преувеличивает влияние постмодерна, так как

> даже в период своего расцвета в 1970-е и 1980-е постмодернистская литература была в меньшинстве […] Реализм всегда был доминирующим способом […] «антибунтари», которых призывает Уоллес, уже существовали и продолжают процветать [Brauner 2010: 11–12].

Б. Макхэйл, профессор Университета штата Огайо и автор трех монографий о литературе постмодернизма, отмечает, что «писатели девяностых, казалось, были обречены на статус постмодернистов второго поколения», страдая от «страха влияния» (снова отсылка к Г. Блуму):

> Преследуемый чувством, что он опоздал, что его постмодернистские предшественники опережают и затмевают его, Уоллес на самом деле изо всех сил пытался вырваться из их тени [McHale 2015: 136].

Очевидно, что к вопросу об отношении Уоллеса к постмодернизму исследователи подходят по-разному. При этом большинство литературоведов, журналистов и критиков признают, что писатель произвел «революцию» в литературе [Boswell 2020: 12]. Творчество таких авторов, как Джонатан Франзен, Дэйв Эггерс, Джонатан Сафран Фоер, Джеффри Евгенидис и др., подтверждает это: в их произведениях также присутствует борьба с иронией постмодернизма [Boswell 2020: 11-12; Константину 2019]. П. Джайлз (профессор Института гуманитарных и социальных наук Австралийского католического университета) подчеркивает, что новаторство Уоллеса заключается в воссоздании «традиционных форм американского культурного идеализма в радикально чуждой им технологической среде»: постмодернистские ирония и цинизм, культивируемые телевидением, превратились в «настольно тривиальное явление», что для писателя стало важным двигаться в ином направлении [Джайлз 2023: 243–244].

Стремление Уоллеса к искренности на самом деле хорошо отражено в том, какой он показывает Америку на рубеже XX–XXI вв., и в том, как он анализирует природу ценностей американского общества.

Хронологию творчества писателя можно отследить с конца 1980-х и до начала 2010-х гг., т. е. с периода президентства Р. Рейгана и почти до окончания президентства Д. Буша-младшего (Уоллес умер в 2008 г.). В своей докторской диссертации И. Уильямс пишет, что в этот период в результате распада Советского Союза и окончания холодной войны укрепилось положение США как доминирующей на мировой арене страны, и Уоллес в своих романах, эссе и рассказах размышляет над тем, что происходит с американским обществом и культурой в условиях этого превосходства [Williams 2015: 176]. И несмотря на то что биограф писателя Д.Т. Макс заявлял, что «политика обычно не имела большого значения» для Уоллеса [Max 2012: 514], тот активно участвовал в выборах (однажды он голосовал за Р. Рейгана), и даже поверхностный взгляд на некоторые произведения показывает, что его особенно интересовало то, что происходит внутри страны [Williams 2015: 178].

Л. Томпсон (Сиднейский университет, Австралия) в монографии «Глобальный Уоллес. Дэвид Фостер Уоллес и мировая литература» (2017) пишет, что творчество Уоллеса нельзя рассматривать в пределах только лишь американской литературной традиции, но также подчеркивает, что «трудно представить другого литератора начала века, который бы так открыто обращался к американским культурным проблемам» [Thompson 2017: 1].

Сам Уоллес, говоря, например, о цели написания «Бесконечной шутки», отметил, что «хотел создать что-что по-настоящему американское, написать о том, каково это — жить в Америке в преддверии нового тысячелетия» (I wanted to do something real American, about what it's like to live in America around the millennium) [Miller 2012: 59]. Также он обращал внимание на «вещи в современных Соединенных Штатах, из-за которых особенно трудно быть *настоящим* (курсив мой. — В.К.) человеком» (…things about the contemporary U.S. that make it distinctively hard to be a real human being) [McCaffery 2012: 26]. И. Уильямс пишет, что ключевым в данных цитатах является слово "real". Оно имеет особое значение для понимания отношения Уоллеса к искренности и подлинности и означает, что Уоллеса интересовало «что-то подлинно […] «американское» (authentically […] 'American), но также оно подразумевает «иерархию вещей, которые могут быть более "американскими", чем другие» (implying a hierarchy of things that can be more 'American' than others) [Williams 2015: 3].

Как выглядит, по мнению Уоллеса, «подлинная», настоящая Америка на рубеже веков? В своих произведениях писатель показывает, что социальный, культурный и политический ландшафт США основывается на индивидуализме и культе личной свободы, а также на потребительстве, получении удовольствия и на иллюзии наличия выбора. «Подлинная» Америка Уоллеса — как бы парадоксально это не звучало — симулякр. Как писал Ж. Бодрийар, Америка — это гиперреальность; место, где грань между симуляцией и реальностью стерта; это «воплощенная утопия», в которой изобилие, «самоудовлетворение всей американской нации достигает своей высшей точки» [Бодрийар 2000: 101]. Уоллес подчеркивает, что телевидение, СМИ и реклама заменяют нам реальность, и это созвучно с идеями Бодрийара о том, что в Америке все превращается в знаки. Внешний мир становится доступен нам с экрана монитора, и у него исчезает материальная репрезентация. Производство «символического» становится важнее действительного преобразования

мира; об этом, например, рассуждают персонажи романа «Бледный король» в главе 19:

> Мы инфантилизируем [infantilize] себя. […] Мы думаем о себе как о гражданах, когда речь идет о наших правах и привилегиях, но не о наших обязанностях. […] Корпорации все лучше и лучше умеют соблазнять нас думать так, как думают они: о прибыли как о цели, а об ответственности, как о чем-то, что следует […] избегать в реальности[6]

Как было отмечено выше, язык и стиль Уоллеса создают сложную задачу для переводчиков. Сам Уоллес в интервью немецкому телеканалу ZDF сказал, что очень беспокоится о переводах «Бесконечной шутки» на языки, «которые он не знает»:

> Я волнуюсь, так как не знаю, что там. Там [в тексте] так много американских идиом, и я не знаю, можно ли их перевести или нет. […] Знаете, я хочу контролировать каждое слово, которое там есть[7].

Говоря о переводе книги на русский язык, считаем важным процитировать Н. Кудрявцева, редактора русского издания «Бесконечной шутки»:

> Наш перевод получился хорошим. […] У Уоллеса достаточно много намеренных неправильностей и искажений, огромных придаточных предложений; читателя вместе с героями как будто захлестывает массивный информационный поток. И тут есть два пути: либо «приглаживать» текст под стандарты своего языка, либо *следовать за автором* (курсив мой. — В.К.). Алексей [Поляринов] и Сергей [Карпов] выбрали второе» [Кузнецова 2019].

Второй вариант действительно оказывается самым верным: «американскость» творчества автора, сопряженная с многоуровневой идеей искренности, тоже определяет характер работы над переводами. Даже передача смежных по значению слов (real, true, sincere, authentic) должна быть проделана с осторожностью, без искажения заложенных Уоллесом смыслов.

---

[6] Wallace, David Foster. *The Pale King*. London: Penguin Books, 2012: 133–134. Перевод мой.

[7] Manufacturing Intellect. “David Foster Wallace unedited interview”. 2003. Video interview, 1:25:10. https://www.youtube.com/watch?v=iGLzWdT7vGc&t=1560s

Дискуссия о творчестве писателя стартовала в начале 2000-х гг., когда появились разборы и комментарии к «Бесконечной шутке». Однако уже с 2003 г. издаются труды, где рассматривается также личность Уоллеса — как, например, в монографии М. Босуэлла «Понимая Дэвида Фостера Уоллеса». Помимо тщательного разбора главных художественных произведений, Босуэлл представляет биографию и хронологию творческого пути автора.

Как подчеркивает Босуэлл, с детства жизнь Уоллеса была связана с академической средой. Выросший «в доме, полном книг» [Boswell 2020: 2], Уоллес говорил:

> Родители читали друг другу «Улисса» вслух, когда ложились спать. Мой отец читал «Моби Дика» моей младшей сестре и мне, когда нам было 6 и 8 лет [Katovsky 2012:6].

Семья Уоллесов была благополучной, и у детей были все возможности для получения образования и развития. В юности Уоллес считался талантливым теннисистом, и его любовь к этому виду спорта нашла отражение в «Бесконечной шутке» и некоторых эссе [Boswell 2020: 2].

Уоллес был блестящим студентом в Амхерст-колледже, где изучал математику, логику и философию; там же он проявил интерес к трудам Людвига Витгенштейна. Окончив колледж с отличием в 1985 г., он стал обладателем двух дипломов — по философии и по английскому и литературе, после чего получил степень магистра искусств в области писательского мастерства в Университете Аризоны. Уоллес мог бы продолжить свою научную карьеру и получить докторскую степень в Гарварде, но в тот период его психическое здоровье пошатнулось, и Уоллес бросил учебу. В 1987 г. был опубликован роман «Метла системы», появились сборники рассказов и критических эссе. В 1996 г. последовало издание «Бесконечной шутки»; в начале 2000-х книга попала «в список 100 самых важных англоязычных романов XX века по версии журнала “Time”» [Поляринов 2019: 12]. За свои труды Уоллес получил престижные награды, а вместе с ними и возможность преподавать литературу и писательское мастерство в лучших университетах Америки. Казалось бы, классический путь успешного писателя, если бы не тяжелая депрессия и зависимости, с которыми Уоллес боролся всю свою жизнь, но так их и не одолел.

Трудно было осознать, как человек, настолько интересующийся миром, мог совершить самоубийство. Как заметили многие критики,

смерть Уоллеса выявила его глубокие личные страдания и привела к формированию культового образа писателя-мученика, «Святого Дейва» (Saint Dave).

Э. Беннетт (Бристольский университет, Великобритания) в книге «Век самоубийств: литература и самоубийство от Джеймса Джойса до Дэвида Фостера Уоллеса» говорит о том, что главной проблемой Уоллеса, которая делает его творчество камнем преткновения для читателей и исследователей, была его голова:

> Серьезная боль, потенциальная опасность взрыва и крайнее насилие по отношению к головам людей являются примечательным мотивом в произведениях Уоллеса [Bennett 2017: 166–167].

В «Метле системы» и «Бесконечной шутке» постоянно взрываются головы: Джеймс Инканденца решает «стереть свою карту» крайне необычным способом, а именно засунув голову в микроволновку; бабушка Линор Бидсман исчезает, оставив рисунок человека с разрывающейся головой [Bennett 2017: 166–167]. Бандану, ставшей его визитной карточкой, Уоллес носил, «чтобы его голова не взорвалась» [Bennett 2017: 166–167]. Для Беннетта это показатель того, что пытливый ум изматывал Уоллеса, а его творчество было способом рассказать о душевной боли, представляя персонажей, страдающих от одиночества и депрессии, а также ищущих спасения в самоубийстве. Уоллес здесь опирается на «особую», как пишет Беннетт, силу литературы, которая позволяет ему выразить авторскую индивидуальность и одновременно скрыть ее [Bennett 2017: 166].

Уоллес действительно был психически неустойчив и борьбу с внутренними демонами выносил на страницы своих произведений, но только ли это определяло характер его творчества?

В архиве Центра Гарри Рэнсома при Техасском университете содержится более трехсот книг из личной библиотеки Уоллеса с его пометками на полях. Наряду с вниманием Уоллеса к американской теме и полемикой с писателями-постмодернистами, в его произведениях исследователи находят влияние литератур разных народов мира [Thompson 2017: 5]. Личная библиотека Уоллеса содержит тексты на среднеанглийском и старофранцузском; произведения Гёте, Толстого, Борхеса [Thompson 2017: 9]. Писатель также интересовался латиноамериканскими, восточноевропейскими, афроамериканскими и русскими авторами: Л. Томпсон выделяет интерес Уоллеса к Х. Кортасару,

Ф. Кафке, Ф. Достоевскому. Уоллес понимал, как важны традиции западной литературы, а не только лишь американской, и поэтому интерпретировать творчество Уоллеса необходимо по отношению к мировым литературным традициям в том числе [Thompson 2017: 5, 243]. Для отечественного литературоведения особое значение имеет влияние Ф.М. Достоевского на творчество писателя [см. об этом, напр.: Chances 2021, Bowden 2021].

Пониманию воззрений и личности Д.Ф. Уоллеса также способствуют монографии, посвященные анализу духовной составляющей его произведений. Религиозной прозу Уоллеса считает А.С. Миллер — теолог, профессор философии Коллин-колледжа (Мак-Кинни, Техас). Его книга «Евангелие по Дэвиду Фостеру Уоллесу: скука и зависимость в эпоху рассеянности» была опуликована издательством Bloomsbury в 2016 г. в серии «Новые направления в религии и литературе» (New Directions in Religion and Literature). Книга разбита на тридцать коротких тематических глав («Зависимость», «Отчаяние», «Ирония», «Скука», «Безразличие», и т. д.), стиль которых больше напоминает разговорный. Миллер видит в произведениях Уоллеса нечто религиозное, но подчеркивает, что не собирается показывать писателя как «постмодернистского святого» [Miller 2016: 1]. При этом автор спорит с критиками Х. Дрейфусом и Ш.Д. Келли, считающими, что Уоллес является нигилистом, олицетворением «безбожного гипериндивидуализма» [Miller 2016: 109].

Исследователь опирается на идею Уоллеса о том, что не бывает так, чтобы человек не поклонялся чему-либо — вопрос только в том, что он выбирает в качестве объекта поклонения. Автор приводит следующую цитату из знаменитой речи Уоллеса «Это вода»: «…в окопах повседневной взрослой жизни не бывает атеизма. Как не бывает возможности не поклоняться. Все чему-то поклоняются»[8]. Миллер подчеркивает, что часто мы ошибаемся в своем выборе, поклоняемся не тем идолам и испытываем разочарование, которое «можно рассматривать как […] убедительное доказательство того, что поклонение чему-либо иному, чем единому истинному Богу, каждый раз пожирает» нас [Miller 2016: xi]. Кроме того, Миллер отмечает, что произведения Уоллеса «воспроизводят непрерывную болтовню в наших головах»: «…читая Уоллеса и находя на его страницах заикающиеся голоса, что звучат в нашем мозгу, мы чувствуем себя менее одинокими» [Miller 2016: 3].

[8] *Уоллес Д.Ф.* Избранные эссе. С. 575.

Но в отличие от Э. Беннетта, Миллер считает, что для Уоллеса важно показать необходимость выхода за пределы индивидуального сознания, обратить внимание на то, что происходит вне него.

По мнению Миллера, Уоллес видит спасение от зависимости и равнодушия, от поклонения «не тем идолам» в опоре на повседневность. Как кратко резюмирует Т.Н. Красавченко (доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, Москва), «противоядие против этих болезней писатель [Уоллес], а вслед за ним и исследователь [Миллер] видят в молитве, во внимании к обычным, повседневным, казалось бы, скучным вещам и понимании их ценности» [Красавченко 2018: 252]. Например, о скуке в романах Уоллеса Миллер пишет следующее: «Скука обозначает предел того, что интересует нас»; мы, «оставаясь с человеком или вещью, выходящими за пределы нашей корысти», можем обнаружить, что жизнь «открывается для сострадания и взаимодействия с другими» [Miller 2016: 112].

В сборнике «Дэвид Фостер Уоллес и религия: эссе о вере и художественной литературе» (*David Foster Wallace and Religion: Essays on Faith and Fiction,* 2020) литературоведы, аспиранты и ведущие подкастов тоже изучают духовные поиски писателя на различных этапах жизни, начиная с его участия в собраниях анонимных наркоманов. Интересно то, как авторы подходят к интерпретации его произведений в данном ключе: одни смотрят на биографию Уоллеса, другие — на восприятие читателей. Вопросы Уоллеса о смысле человеческого существования, о том, что значит быть «настоящим» человеком, опять становятся основой, на которой исследователи выстраивают свои размышления — при этом не существует единого мнения относительно веры Уоллеса, но в исследовании религиозного подтекста творчества писателя авторы все же находят смысл.

М. Брик (Доминиканский университет Огайо, США) пишет, что Уоллес пытался «использовать свой ум […] чтобы обрести веру», изучая католицизм, буддизм, философию, книги по самопомощи и т. д. [Brick 2020: 1–2]. Брик с уверенностью отмечает, что Уоллес «выступал против людей, которые пренебрегали религией» и проявлял интерес к различным моральным и этическим проблемам, «а разоблачение “ложных идолов” стало его ведущей творческой задачей» [Brick 2020: 8].

Как и Э. Беннетт, М. Брик обращает внимание на то, что Уоллес будто был заперт в собственной голове: его поиски — это «явное желание или необходимость отказаться от использования головы в ка-

честве основного инструмента духовной деятельности […] Вскоре, однако, он стал больше полагаться на свое сердце, или, по крайней мере, к этому он стремился» [Brick 2020: 2]. Влияние собственной головы (the influence of the head) и интеллекта Уоллесу оказалось трудно преодолеть [Brick 2020: 2].

Размышления о вере перекликаются с такими важными темами в произведениях Уоллеса, как сопереживание, преодоление зависимости, самопожертвование и забота о других. Например, в речи «Это вода», которую рассматривают исследователи, есть анекдот об атеисте, попавшем в снежный буран и решившем помолиться. После этого появляются эскимосы, которые спасают его. Атеист, пересказывая события собеседнику, отрицает, что спасение произошло благодаря его молитвам и Божий помощи. Подходя к выводам своей речи и усиливая призыв к осознанности, Уоллес замечает: «Возможно, эскимосы оказались там не просто так»[9]. Или, например, в «Бесконечной шутке» процесс реабилитации для Дона Гейтли происходит через обретение веры. Он понимает, что теперь он предан спасшей его силе, хотя природу этой силы он не осознает до конца: «Каким это образом какая-то Высшая Сила, в которую он даже не верил, […] как по волшебству освободила его из клетки […]?»[10]. С другой стороны, Уоллес позволяет себе иронизировать над религиозностью людей: например, в «Метле системы» попугай главной героини Линор выступает на религиозном ТВ, потому что якобы через него «вещает лично Господь Бог»[11]. Таких намеков, примеров-рассуждений о вере и Боге в произведениях Уоллеса — множество.

Рассмотрение Уоллеса как «религиозного» автора, возможно, спорно. Но, как пишет М. Маллинз, отрицать духовные устремления Уоллеса, значит, его недооценивать, а провозглашать его «христианским» писателем — наоборот, переоценивать [Mullins 2018: 193]. Темы религии, веры и духовности были важны для него: в эссе «Вид из дома миссис Томпсон» (*The View from Mrs. Thompson's*) Уоллес пишет, что посещал церковь в Блумингтоне[12]. В перепечатанной вер-

[9] *Уоллес Д.Ф.* Избранные эссе / пер. с англ. С. Карпова, А. Поляринова. Екатеринбург: Гонзо, 2023. С. 577.

[10] *Уоллес Д.Ф.* Бесконечная шутка / пер. с англ. С. Карпова, А. Поляринова. М.: АСТ, 2022. С. 550.

[11] Wallace, David Foster. *The Broom of the System*. New York: Penguin Books, 2016: 458.

[12] *Уоллес Д.Ф.* Избранные эссе. С. 355.

сии этого же эссе в журнале *Rolling Stone* (2011) есть уточнение, что это была протестантская церковь[13]. Д.Т. Макс отметил, что Уоллес на самом деле замаскировал под друзьями из «церкви» своих знакомых из группы реабилитации [Max 2012: 522]. Т.Н. Красавченко пишет, что Уоллес пытался принять католицизм, «но, в конце концов, стал протестантом, примкнув к меннонитам» [Красавченко 2018: 248]. По биографии Д.Т. Макса можно сделать вывод, что с тем, какую именно религию исповедовать, Уоллес все же так и не определился, однако вопросы веры и механизма «поклонения» чему-либо представляли для него особую важность.

Уоллес в некоторых интервью отмечал, что в «Бесконечной шутке» он пытался проанализировать природу зависимости, причем не только наркотической[14] [Lago, 2018]. Уоллес рассматривал зависимость в значении «преданности» — почти в религиозном смысле (religious devotion). В качестве объяснения он приводил слово “addict”, происходящее от латинского “addicere” («жертвовать»)[15] [Lago, 2018]. Индивидуализм, культивируемый телевидением, рекламой и развлечениями, писатель также характеризовал как «особый дух» Америки, что и стало основой книги. Согласно Уоллесу, «американская идея» состоит в том, чтобы делать только то, что способствует личному счастью, хотя такое стремление тоже означает своеобразную «преданность» (devotion)[16] или «поклонение» (worship)[17].Темы, которые всегда волновали писателя, здесь снова переплетаются: суть Америки; нравственные идеалы, вера; поиск духовной опоры в культуре потребления; критика иронии и цинизма и проч. — все это требует осмысления, на стыке религии и философии в том числе.

Философию его произведений анализируют в сборниках «Жестикулируя навстречу реальности: Дэвид Фостер Уоллес и философия» [Gesturing 2014] и «Свобода и Я: очерки о философии Дэвида Фостера Уоллеса» [Freedom and the Self 2015].

А. ден Далк (Колледж Амстердамского университета) в монографии «Экзистенциальное взаимодействие в произведениях Уоллеса,

---

13 Wallace, David Foster. “David Foster Wallace on 9/11, as Seen from the Midwest”. *Rolling Stone*, August 19, 2011. https://www.rollingstone.com/feature/david-foster-wallace-on-9-11-as-seen-from-the-midwest-242422/

14 Manufacturing Intellect. “David Foster Wallace unedited interview”.

15 Ibid.

16 Ibid.

17 *Уоллес Д.Ф.* Избранные эссе. С. 575.

Эггерса и Фоера: философский анализ современной американской литературы», как и Д. Баскин (Новая школа социальных исследований, США) в книге «Обыкновенное несчастье» рассматривают произведения Уоллеса в свете философии Кьеркегора, Витгенштейна, а также изучают влияние Сартра, Камю, Кафки и Достоевского [Baskin 2019; den Dulk 2015]. Ден Далк отмечает, что произведения Уоллеса лучше всего понимаются в свете экзистенциализма; их нужно рассматривать как попытку обратиться к проблемам нашего времени и предложить пути их преодоления. Автор утверждает:

> нынешнее время нуждается в достоинствах, выраженных в этих произведениях [имеются в виду произведения не только Уоллеса, но и Эггерса и Фоера в том числе. — *В.К.*]: искренность, чувство реальности и единение; [...] они представляют собой взгляд на современное западное существование и преодоление связанных с ним проблем [den Dulk 2015: 267].

В эссе «Дэвид Фостер Уоллес и экзистенциализм», которое представляет собой краткую версию его монографии, ден Далк показывает, как идея о «становлении самости» Кьеркегора отражена Уоллесом в «Бесконечной шутке»: персонажи-наркоманы пусты, «лишены личности», так как не направляют свою жизнь посредством выбора; «в романе зависимость — это метафора отказа от ответственности за свою жизнь» [den Dulk 2023: 183]. Говоря о влиянии Сартра на творчество Уоллеса, ден Далк отмечает сходство в изображении «процессов сознания»: для Сартра и для Уоллеса «сознание должно быть направлено вовне» [den Dulk 2023: 185]. Уоллес рисует множество персонажей, чья гиперрефлексивность приводит к отчуждению от самих себя, и особое «кредо» автора заключается в том, чтобы выйти запределы этой гиперрефлексивности [den Dulk 2023: 185]. Ден Далк приводит и другие признаки влияния экзистенциализма на взгляды Уоллеса: это еще одна попытка объяснить, в чем писатель видит назначение художественной литературы, когда говорит о ней как о способе выяснить, что значит быть «настоящим» человеком. При этом, как пишет исследователь, для Уоллеса также важно вовлечь читателя в этот процесс и вступить с ним диалог [den Dulk 2023: 191]. Последнее особо важно для понимания идеи искренности, предложенной Уоллесом.

Д. Редгейт (Университет Глазго, Великобритания) в монографии «Уоллес и “Я”: познание, сознание и дуализм в художественных произведениях Дэвида Фостера Уоллеса» также анализирует, «что значит быть чертовым человеком» [Redgate 2019: 1]. Автор рассматривает, как Уоллес исследует отношение между человеческой душой (внутренним «я») и «ее смертным, механическим телом», и уделяет внимание трактовке мотивов и характеров персонажей [Redgate 2019: 1–2].

Особое внимание критиков привлекает вопрос о влиянии Л. Витгенштейна на воззрения Уоллеса. Уоллес считал его «настоящим архитектором постмодернистской ловушки», то есть ловушки отчужденной самореференции [McCaffery 2012: 45]. Идея Витгенштейна в «Философских исследованиях» — книге, которую Уоллес считал «единственным наиболее полным и красивым аргументом против солипсизма, который когда-либо был выдвинут» — заключается в том, что язык «зависит от человеческого сообщества» и должен быть «функцией отношений между людьми» [McCaffery 2012: 44]. Это «позволяет Уоллесу использовать свой иронический метод как для того, чтобы разрушать иллюзии своих читателей, так и для того, чтобы одновременно установить с ними связь» [Boswell 2020: 11].

А.К. Никулина (доцент БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа, Россия) называет Уоллеса «писателем-философом»; она пишет, что романы «Метла системы» и «Бесконечная шутка» выстраиваются писателем на основе концепции Витгенштейна о реальности как о лингвистическом конструкте, «лишающем человека свободы и препятствующем ему в познании окружающего мира» [Никулина 2019: 161]. Исследователь уделяет внимание языку в романах Уоллеса и описывает его как систему знаков, ограничивающую свободу человека; погружение персонажей в молчание (как, например, в «Шутке») свидетельствует об их духовном прогрессе и освобождении [Никулина 2020: 235]. Никулина также рассматривает то, как осмысляет Уоллес проблему определения «себя» и «другого»:

> …если в первом романе «Швабра системы» автор был в первую очередь озабочен проблемой обретения самоидентичности через борьбу с влиянием Другого, то в более позднем романе «Бесконечная шутка» в центре его внимания оказывается, напротив, проблема выстраивания отношений с Другим как залог сохранения собственной человеческой сущности [Никулина 2019: 166].

Стоит отметить, что А. Никулина ориентируется в своем анализе на труды зарубежных коллег, которые упоминались выше: Д. Баскин, Р. Болгер, С. Корб и др.

Публикация биографии Д.Т. Макса, книги Д. Липски «Хотя, конечно, в конце концов вы становитесь самим собой: дорожное путешествие с Дэвидом Фостером Уоллесом» [Lipsky 2010]; размещение в интернете видео- и аудиозаписей интервью, издание сборника «Беседы с Дэвидом Фостером Уоллесом» (*Conversations with David Foster Wallace*, 2012); создание тематических сайтов, фильмов, музыкального клипа; появление Уоллеса в мультсериале — «у Уоллеса, как и у Пинчона и Геймана, есть камео в “Симпсонах”» [Поляринов 2019: 9] — все это дало возможность взаимодействовать с Уоллесом, не читая его произведений. В сознании поклонников и критиков прочно закрепился образ самокритичного интеллектуала в очках и бандане.

Уоллес был чутким, восприимчивым писателем, который обладал широким кругозором и всю жизнь интересовался литературой, читал, изучал, преподавал ее — и создавал ее сам. Его размышления о вере и механизме поклонения — это попытка понять, что есть человеческая душа в мире, управляемом материальным началом. Рассмотренные монографии, статьи и эссе, где исследователи рассуждают о религиозной и философской направленности творчества Уоллеса, на самом делепредставляют собой попытки разобраться в самом важном для него вопросе (и в том, каким он видит ответ на него) — что значит «быть настоящим человеком».

Как было отмечено выше, восхваление и осуждение писателя есть естественная и неизбежная реакция на личность, которая вносит свой вклад в культуру. Однако восхваление Уоллеса как «Святого Дейва», как и неприязнь к нему — результат критики Уоллеса не как автора, а как человека. Ли Константину, рассуждая о «дурном» влиянии Уоллеса, призывает избегать таких крайностей: Уоллеса необходимо рассматривать как одного из представителей современной литературы, что ни в коем случае не умаляет важность его достижений. Главное здесь — читать, анализировать и давать критическую оценку его творчеству, не попадая под влияние его личности [Konstantinou 2018: 60]. С другой стороны, учитывая доступность информации об Уоллесе, о его борьбе с депрессией и популяризацию его образа в массовой культуре, довольно сложно быть беспристрастным читателем его произведений.

Д. Балин в статье «О том, зачем нам Дэвид Фостер Уоллес», отвечая на поставленный в заголовке вопрос, пишет, что, несмотря на культовый статус автора, созданный в американской маркетинговой стратегии (хотя, только ли на этом основана популярность Уоллеса?), и на то, что книги «слишком поздно перевели», они нужны нам, ведь это «большая литература»:

> Уоллес пишет о том, как остаться человеком в этом стремительно меняющемся мире технологий, фейков, огромного потока информации, новых соблазнов. Он говорит о нас и поэтому остается актуальным […]. Дэвид Фостер Уоллес нам нужен для того, чтобы […] понять что-то о нас самих [Балин 2022].

Совершенно точно то, что каким бы ни был сам Уоллес, какими бы сложными ни были для восприятия его произведения, читать его нужно, как выразился Поляринов о переводах — «по любви».

ЛИТЕРАТУРА

Балин 2022 — *Балин Д.А.* О том, зачем нам Дэвид Фостер Уоллес // Вопросы литературы. 2022. № 4. https://voplit.ru/column-post/o-tom-zachem-nam-devid-foster-uolles/ (дата обращения: 15.11.2023)

Баннелл 2020 — *Баннелл Н.* Колеблющийся вдалеке: изучение метамодернизма в теории и на практике / пер. с англ. Е. Маслова // Metamodern. Журнал о метамодернизме. 2020. https://metamodernizm.ru/oscillating-from-a-distance/ (дата обращения: 20.04.2024)

Бодрийар 2000 — *Бодрийар Ж.* Америка / пер. с фр. Д. Калугин. СПб.: Владимир Даль, 2000.

Джайлз 2023 — *Джайлз П.* Глобальный пересмотр карты американской литературы / пер. с англ. О. Полей. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023.

Константину 2019 — *Константину Л.* Четыре лика пост-иронии / пер. с англ. В. Липка // Metamodern. Журнал о метамодернизме. 2019. https://metamodernizm.ru/four-faces-of-postirony/ (дата обращения: 20.04.2024)

Красавченко 2018 — *Красавченко Т.Н.* Англоязычная критика о «культовом» американском писателе Дэвиде Фостере Уоллесе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7 Литературоведение: Реферативный журнал. 2018. № 4. С. 244–252.

Кузнецова 2019 — *Кузнецова Е.* Как прочитать «Бесконечную шутку» и не сойти с ума. Советуют профессионалы. Фонтанка.ру. 22 января 2019. https://calendar.fontanka.ru/articles/7655 (дата обращения: 22.04.2024)

Никулина 2019 — *Никулина А.К.* Витгенштейновский контекст размышлений о проблеме Другого в философских романах Д.Ф. Уоллеса // Вестник ТГГПУ. 2019. № 3 (57). С. 161–167.

Никулина 2020 — *Никулина А.К.* «Вырваться за пределы языка»: речь и молчание в романе Д.Ф. Уоллеса «Бесконечная шутка» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 235–249.

Поляринов 2019 — *Поляринов А.В.* Почти два килограмма слов. М.: Individuum, 2019.

Поляринов, Максимова 2022 — *Поляринов А.В., Максимова Е.С.* «Чем больше живу, тем меньше понимаю, что вокруг происходит» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7. № 2. С. 7–17.

REFERENCES

Balin 2022 — Balin, Denis A. “O tom, zachem nam Devid Foster Uolles” [“About why we need David Foster Wallace”]. *Voprosy literatury*, no. 4 (2022). https://voplit.ru/column-post/o-tom-zachem-nam-devid-foster-uolles/ (In Russ.)

Baskin 2019 — Baskin, Jon. *Ordinary Unhappiness: The Therapeutic Fiction of David Foster Wallace*. Stanford, California: Stanford University Press, 2019.

Baudrillard 2000 — Baudrillard, Jean. *Amerika* [*Amerique*], translated from French by D. Kalugin. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2000. (In Russ.)

Bennett 2017 — Bennett, Andrew. *Suicide Century: Literature and Suicide from James Joyce to David Foster Wallace*. Cambridge, United Kingdom; New York: Cambridge University Press, 2017.

Bissell 2016 — Bissell, Tom. “Everything About Everything: David Foster Wallace’s ‘Infinite Jest’ at 20.” *The New York Times* (February 1, 2016). https://www.nytimes.com/2016/02/07/books/review/everything-about-everything-david-foster-wallaces-infinite-jest-at-20.html

Boswell 2020 — Boswell, Marshall. *Understanding David Foster Wallace. Revised and Expanded Edition*. Columbia, SC: The University of South Carolina Press, 2020.

Bowden 2021 — Bowden, Michael. “Shamelessness and New Sincerity: Dostoevsky, David Foster Wallacem and Trump's America.” *Literature of the Americas*, no. 11 (November 25, 2021): 155–182.

Brauner 2010 — Brauner, David. *Contemporary American Fiction*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010.

Brick 2020 — Brick, Martin. “Understanding Seeking Faith: An Introduction to Religion in David Foster Wallace’s Life.” In *David Foster Wallace and Religion: Essays on Faith and Fiction,* edited by Michael McGowan and Martin Brick, 1–13. New York: Bloomsbury Academic, 2020.

Bunnell 2020 — Bunnell, Noah. “Kolebliushchiisia vdaleke: izuchenie metamodernizma v teorii i na praktike” [“Oscillating from a Distance: A Study of

Metamodernism in Theory and Practice”], translated from Eng. by E. Maslova. *Metamodern. Zhurnal o metamodernizme* (2020). https://metamodernizm.ru/oscillating-from-a-distance/(In Russ.)

Burn 2012 — Burn, Stephen J. *David Foster Wallace's Infinite Jest. A Reader's Guide.* London, New York: Continuum, 2013.

Chances 2021 — Chances, Ellen. “Dostoevsky and David Foster Wallace: On Parallel Tracks?” *Literature of the Americas*, no. 11 (2021): 134–154.

den Dulk 2015 — den Dulk, Allard. *Existentialist Engagement in Wallace, Eggers and Foer: A Philosophical Analysis of Contemporary American Literature*. New York; London: Bloomsbury, 2015.

den Dulk 2023 — den Dulk, Allard. “David Foster Wallace and Existentialism.” In *David Foster Wallace in Context*, edited by Clare Hayes-Brady, 181–191. Cambridge; New York, NY: Cambridge University Press, 2023.

Eve 2019 — Eve, Martin Paul. “Sincerity.” In *The Routledge Companion to Twenty-First Century Literary Fiction*, edited by Daniel O'Gorman and Robert Eaglestone, 36–47. Abingdon; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2019.

Franzen 2011 — Franzen, Jonathan. “Father Away: Robinson Crusoe, David Foster Wallace, and the Island of Solitude.” *The New Yorker* (April 11, 2011). https://www.newyorker.com/magazine/2011/04/18/farther-away-jonathan-franzen

Freedom and Self 2015 — *Freedom and Self: Essays on the Philosophy of David Foster Wallace,* edited by Stephen M. Cahn, Maureen Eckert. New York: Columbia University Press, 2015.

Gesturing 2014 — *Gesturing Toward Reality: David Foster Wallace and Philosophy*, edited by Robert K. Bolger, Scott Korb. New York: Bloomsbury, 2014.

Giles 2023 — Giles, Paul. *Global'nyi peresmotr karty amerikanskoi literatury* [*The Global Remapping of American Literature*], translated from Eng. by O. Polei. St. Petersburg: Academic Studies Press / Bibliorossika Publ., 2023. (In Russ.)

Hayes-Brady 2016 — Hayes-Brady, Clare. *The Unspeakable Failures of David Foster Wallace. Language, Identity, and Resistance*. New York; London: Bloomsbury, 2016.

Hungerford 2016a — Hungerford, Amy. “On Not Reading DFW.” In *Making Literature Now*, 141–166. Stanford, CA: Stanford University Press, 2016.

Hungerford 2016b — Hungerford, Amy. “On Not Reading.” *The Chronicle of Higher Education* (September 11, 2016). https://www.chronicle.com/article/on-not-reading/

Katovsky 2012 — Katovsky, William R. “David Foster Wallace: A Profile / 1987.” In *Conversations with David Foster Wallace*, edited by Stephen J. Burn. Jackson: University Press of Mississippi, 2012.

Kelly 2010 — Kelly, Adam. “David Foster Wallace and the New Sincerity in American Fiction.” In *Consider David Foster Wallace*, edited by David Hering, 131–146. Los Angeles; Austin: Sideshow Media Group Press, 2010.

Konstantinou 2019 — Konstantinou, Lee. "Chetyre lika post-ironii" ["Four Faces of Postirony"], translated from Eng. by V. Lipka. *Metamodern. Zhurnal o metamodernizme* (2019). https://metamodernizm.ru/four-faces-of-postirony/ (In Russ.)

Konstaninou 2018 — Konstaninou, Lee. "Wallace's "Bad" Influence". In *The Cambridge Companion to David Foster Wallace,* edited by Ralph Clare, 49–63. Cambridge; New York, NY: Cambridge University Press, 2018.

Krasavchenko 2018 — Krasavchenko, Tat'iana N. "Angloiazychnaia kritika o «kul'tovom» amerikanskom pisatele Devide Fostere Uollese" ["English-language Criticism on the 'Cult' American Writer David Foster Wallace"]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura.* Seria 7 Literaturovedenie: Referativnyi zhurnal, no. 4 (2018): 244–252. (In Russ.)

Kuznetsova 2019 — Kuznetsova, Elena. "Kak prochitat' 'Beskonechnuiu shutku' i ne soiti s uma. Sovetuiut professionaly" ["How to read 'Infinite Jest' and not go crazy. Professional advice"]. *Fontanka.ru* (January 22, 2019). https://calendar.fontanka.ru/articles/7655 (In Russ.)

Lago 2018 — Lago, Eduardo."A Brand New Interview with David Foster Wallace." *Electric Literature* (November 16, 2018). https://electricliterature.com/a-brand-new-interview-with-david-foster-wallace/

LeClair 2016 — Le Clair, Tom. "Making Literature Now — Amy Hungerford." *Full Stop: Reviews. Interviews. Marginalia* (October 20, 2016). https://www.full-stop.net/2016/10/20/reviews/tomleclair/making-literature-now-amy-hungerford/

Lipsky 2010 — Lipsky, David. *Although of Course You End Up Becoming Yourself: A Road Trip with David Foster Wallace*. New York: Broadway Books, 2010.

Max 2012 — Max, D.T. *Every Love Story Is a Ghost Story: A Life of David Foster Wallace*. New York: Penguin, 2012.

McCaffery 2012 — McCaffery, Larry."An Expanded Interview with David Foster Wallace / 1993." In *Conversations with David Foster Wallace*, edited by Stephen J. Burn, 21–52. Jackson: University Press of Mississippi, 2012.

McHale 2015 — McHale, Brian. *The Cambridge Introduction to Postmodernism*. New York: Cambridge University Press, 2015.

Medvetz 2022 — Medvetz, Thomas. "Transcendence, Fast and Slow: *Infinite Jest* and the dynamics of a cultural splash." *American Journal of Cultural Sociology*, no. 11 (19 January 2022): 105–132.

Miller 2012 — Miller, Laura. "The Salon Interview: David Foster Wallace / 1996." In *Conversations with David Foster Wallace*, edited by Stephen J. Burn, 58–65. Jackson: University Press of Mississippi, 2012.

Miller 2016 — Miller, Adam S. *The Gospel According to David Foster Wallace: Boredom and Addiction in an Age of Distraction*. New York; London: Bloomsbury, 2016.

Mullins 2018 — Mullins, Matthew. "Wallace, Spirituality, and Religion." In *The Cambridge Companion to David Foster Wallace*, edited by Ralph Clare, 190–203. Cambridge; New York, NY: Cambridge University Press, 2018.

Nikulina 2020 — Nikulina, Alla K. "'Vyrvat'sia za predely iazyka': rech' i molchanie v romane D.F. Uollesa 'Beskonechnaia shutka'" ["'To Run Against the Boundaries of Language': Speech and Silence in David Foster Wallace's 'Infinite Jest'"]. *Tomsk State University Journal of Philology*, no. 63 (2020): 235–249. (In Russ.)

Nikulina 2019 — Nikulina, Alla K. "Vitgenshteinovskii kontekst razmyshlenii o probleme Drugogo v filosofskikh romanakh D.F. Uollesa" ["Wittgensteinian Context of Considering the Problem of the Other in D.F. Wallace's Philosophical Novels"]. *Philology and Culture. Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 3 (57) (2019): 161–167.

Poliarinov 2019 — Poliarinov, Aleksei V. *Pochti dva kilogramma slov* [*Almost Two Kilograms of Words*]. Moscow: Individuum Publ., 2019. (In Russ.)

Poliarinov, Maksimova 2022 — Poliarinov, Alexei V., and Ekaterina S. Maksimova. "Chem bol'she zhivu, tem men'she ponimaiu, chto vokrug proiskhodit" ["The More I Live, the less I Understand what's Going on"]. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovanii* 7, no. 2 (2022): 7–17.

Redgate 2019 — Redgate, Jamie. *Wallace and I: Cognition, Consciousness, and Dualism in David Foster Wallace's Fiction*. New York, London: Routledge. Taylor & Francis Group, 2019.

Scott 2000 — Scott, Anthony Oliver. "The Panic of Influence." *The New York Review* (February 10, 2000). https://www.nybooks.com/articles/2000/02/10/the-panic-of-influence/?lp_txn_id=1432194

Smith 2009 — Smith, Zadie. "Brief Interviews with Hideous Men: The Difficult Gifts of David Foster Wallace." In *Changing My Mind: Occasional Essays*, 360–419. New York: Penguin, 2009.

Thompson 2017 — Thompson, Lucas. *Global Wallace. David Foster Wallace and World Literature*. New York; London: Bloomsbury, 2017.

Williams 2015 — Williams, Iain. *"Something Real American": David Foster Wallace and Authenticity*. PhD diss., Edinburgh; University of Edinburgh, 2015. http://hdl.handle.net/1842/31007

© 2024, В.А. Каяво

Дата поступления в редакцию: 24.03.2024
Дата одобрения рецензентами: 03.04.2024
Дата публикации: 25.06.2024

© 2024, Violetta A. Kaiavo

Received: 24 Mar. 2024
Approved after reviewing: 03 Apr. 2024
Date of publication: 25 Jun. 2024